

DOI: 10.7868/S0869587314070081

Вопрос о том, является ли развитие общества прогрессивным или, напротив, социальные системы движутся от более совершенных к менее совершенным формам, обладает непреходящей актуальностью, а ответ на него определяет умянастроения и характер социальной практики той или иной эпохи. Это делает анализ прогрессистских и антипрогрессистских концепций социально-исторического развития важной задачей, особенно в условиях неопределённости и рисков, характерных для современного общества. Предлагаемая вниманию читателей статья представляет собой второй этап решения этой задачи, продолжая исследование, результаты которого мы публиковали ранее (2013. № 8).

АНТИПРОГРЕССИСТСКИЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

В.А. Нехамкин, И.П. Полякова

Цель настоящего исследования подобна той, что была поставлена и решена одним из авторов в его предыдущей работе [1], и заключается в выявлении концептуальной структуры и базовых положений, общих для отдельных теорий, относящихся к одному из фундаментальных направлений в осмыслении социально-исторической динамики — антипрогрессистскому пониманию развития общества.

Первые концепции, отрицающие прогресс, появляются одновременно с формированием самой общественной мысли, тем не менее различные варианты теории общественного прогресса на протяжении веков доминировали и по уровню

влияния на социальную теорию и практику, и по числу сторонников. Однако были периоды обратного соотношения, последним из которых стало прошедшее столетие. Популярность антипрогрессистских концепций в XX — начале XXI в. заставляет предпринять серьёзное и глубокое изыскание причин их появления, их содержания, присущих им достоинств и недостатков, а главное, перспектив в современной социогуманитарной науке.

Чтобы сделать первый шаг на этом пути, надо принять в расчёт следующее обстоятельство: дифференциация позиций и разнообразие частных концепций в рамках рассматриваемой традиции выражены ещё сильнее, чем в случае с теорией общественного прогресса. Поэтому прежде всего необходимо определить концептуальное ядро антипрогрессистского подхода. Поскольку антипрогрессизм по самой своей природе является оппозиционным движением мысли, мы будем опираться на уже выявленные фундаментальные принципы и структуру прогрессистского подхода, а также прибегнем к исследованию истоков зарождения противоположных прогрессистским представлений о социально-исторической динамике.

ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ АНТИПРОГРЕССИСТСКИХ ТЕОРИЙ

Одна из первых антипрогрессистских теорий была создана античным мыслителем Гесиодом на рубеже VIII—VII вв. до н.э., но наибольшее их число появилось в XX в. Существенный вклад в разработку этих теорий внесли как отдельные мыслители (например, П. Сорокин), так и целые

НЕХАМКИН Валерий Аркадьевич — доктор философских наук, профессор Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.
ПОЛЯКОВА Ирина Павловна — доктор философских наук, профессор Липецкого государственного технического университета.
nechamkin@rambler.ru, ir.p.polyakova@yandex.ru

направления (евразийство, синергетика, постмодернизм). Чтобы понять, чем объясняется интенсивное развитие антипрогрессистского направления общественной мысли, требуется ответить на вопрос, почему концепции такого рода вообще возникают. Причины можно разделить на психологические, социально-политические и гносеологические (с той оговоркой, что на практике они тесно переплетаются и подчас трудно однозначно выделить причину того или иного типа в качестве обособленного фактора). В первом случае, ярко проявившимся у Гесиода, часть старшего поколения неизбежно идеализирует прошлое — понятное, комфортное, освещённое воспоминаниями юности; настоящее, напротив, воспринимается как своеобразный упадок, регресс по отношению к минувшему, а грядущее представляется в совсем мрачных тонах.

Социально-политические причины появления антипрогрессистских теорий обусловлены несоответствием реалий социальной жизни идеалу прогресса. Так, в конце XIX — начале XX в. в сознании мировой интеллектуальной элиты прогресс ассоциировался с расширением возможностей разума, распространением гуманизма. В частности, Р. Макензи в 1880 г. писал: «История человечества — это летопись прогресса, летопись накопления знания и роста мудрости, постоянное движение от низшего уровня разума и процветания к высшему. Каждое поколение передаёт следующему унаследованные им сокровища, изменённые к лучшему его собственным опытом, обогащённые плодами всех одержанных им побед... Рост благосостояния человека, избавленного от прихоти своевластных принцев, подлежит теперь благому управлению великих законов Провидения» [цит. по: 2, с. 31]. Корни таких воззрений можно проследить, по крайней мере, до конца XVIII в., например, до работ Ж.А. Кондорсэ. Но к этому времени относятся и одни из наиболее ярких за всю историю свидетельств неоправданности подобных надежд прогрессистов. Кондорсэ полагал, что движение по пути прогресса народов, «отставших» от европейцев, «было бы более быстрым и более верным, чем наше, ибо они получили бы у нас готовым то, что мы вынуждены были открывать» [3, с. 227]. Однако автор этих строк писал их, находясь в 1793—1794 г. на нелегальном положении после того, как правящая Францией партия революционеров-якобинцев объявила учёного «вне закона», что грозило ему казнь в случае ареста. Уже в марте 1794 г., за четыре месяца до падения диктатуры М. Робеспьера, Кондорсэ оказался в тюрьме, где принял яд, чтобы не стать очередной жертвой гильотины.

Судьба главного «певца» прогресса конца XVIII в. заставляет задуматься: должны ли «отсталые народы» заимствовать у французов не только передовые технологии, но и такое средство борь-

бы с оппонентами, как террор, или такой тип политического режима, как тоталитаризм? Кондорсэ не даёт ответов на подобные вопросы, его работа «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» и по форме, и по содержанию излучает оптимизм, многочисленные негативные составляющие Великой французской революции, свидетелем которой стал мыслитель, остаются вне рассмотрения. Жизненная история Кондорсэ показывает: о прогрессе в абсолютном смысле можно говорить, только абстрагируясь от происходящих за окном событий, по большей части согласующихся с тезисами антипрогрессизма.

История XX в. ещё раз подтвердила, что прогресс, понимаемый как укрепление гуманизма, бесконечно далёк от осуществления. «Торжество разума» обернулось созданием нового оружия массового поражения (от пулемётов до атомной бомбы), «свобода человека» — контролем над всеми сферами жизнедеятельности в тоталитарных режимах, чему тоже способствовала передовая техника. Строились «лагеря смерти» и так называемые научные центры, например, японский «отряд-731», действовавший в Китае в 1932—1945 гг., где человек рассматривался не как цель (в соответствии со знаменитым требованием И. Канта), а как средство решения прагматических государственных задач или как объект проведения антигуманных опытов. Не менее впечатляющими были «достижения» на nive идеологической обработки людей: в Китае во время «культурной революции» настолько не дорожили личной свободой, что мечтали стать «послушными винтиками» в руках руководителя государства, а учёные из упомянутого отряда-731 официально называли своих подопытных «брёвнами», то есть лишали их статуса человека.

Уже опыта и итогов Первой мировой войны хватило Р. Випперу, чтобы опубликовать работы с характерными названиями: «Верит ли кто-нибудь в теорию прогресса?», «Теория прогресса и всемирная война 1914 г.». Со многими приведёнными Виппером аргументами согласился бы, наверное, даже Гесиод, если бы дожил до начала XX в. Определяя прогресс как «рост личности, всестороннее её совершенствование» [4, с. 13], Виппер не находит его признаков в окружающем мире. Наоборот, «жизнь даётся труднее, а человек становится всё слабее силами» [4, с. 21] по сравнению с людьми прошлых эпох, в школе «по общему признанию, учатся хуже» [4, с. 22], чем раньше, несмотря на совершенствование педагогического процесса и учебных пособий, а современные Випперу художники, по его словам, «разучились прежнему мастерству» [4, с. 22], и живопись скоро будет заменена фотографией. Наконец, появившиеся в начале XX в. классы, партии, профсоюзы «становятся отличными орудиями борьбы; но для интимной жизни личности они ничто иное, как пу-

стые места” [4, с. 28], они только создают условия для гражданских войн, в ходе которых “общественный организм начинает сам себя разрывать на части” [4, с. 34]. Вывод Виппера: от теории прогресса надо отказаться и перейти к циклическому пониманию исторического процесса [4, с. 37]. К похожим оценкам, основанным на анализе развития западной цивилизации, допустившей мировую войну 1914–1918 гг., приходит и О. Шпенглер в своей работе “Закат Европы”.

Расцвет практического антигуманизма в период Второй мировой войны затронул не только светское, но и религиозное мировоззрение. Немецкие богословы, посетившие после краха национал-социалистского режима нацистские лагеря смерти, поставили в 1946 г. вопрос уже даже не об осуществимости прогресса, а о том, “возможна ли теология после Освенцима?”. Можно ли вообще верить в Бога после произошедшего в 1939–1945 гг.? О серьёзных изменениях в умонастроении верующих и священнослужителей под влиянием негативной социальной практики позволяет судить следующее высказывание католического теолога И.-Б. Меца: “Могла ли теология... остаться одинаковой до и после Освенцима? Если да – то держитесь от неё подальше” [5, с. 76].

Таким образом, реалии социального бытия первой половины XX в. вызвали своеобразный “мировоззренческий шок”. В результате насколько горячо большинство мыслителей отстаивали идею прогресса в начале XX в., настолько же непримиримо они стали отрицать её к середине столетия.

Возникновение антипрогрессистских теорий связано также с трансформацией познавательных принципов и идеалов. Если ограничиваться XX в., то в это время решающим фактором становится зарождение нового типа науки – неклассической, сменившей классическую научную традицию XVIII–XIX вв. Концепция прогресса базировалась на представлении о линейной динамике всех процессов окружающего мира, которое являлось экстраполяцией основ классической физики И. Ньютона на все другие предметные области. В начале XX в. с появлением теории относительности А. Эйнштейна, квантовой механики, а позднее синергетики на первый план вышли идеи нелинейности, непредсказуемости, самоорганизации природных процессов и систем. Из естественных наук эти идеи стали транслироваться в социогуманитарную область и тоже послужили важным фактором в ходе критики концепции прогрессивного развития общества.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЯДРО АНТИПРОГРЕССИСТСКИХ ТЕОРИЙ

Выявив главные причины возникновения антипрогрессизма, сосредоточимся на составляю-

щих его основу идеях, которые могут быть выявлены путём анализа отдельных теорий антипрогрессистского типа.

Исходный тезис антипрогрессизма состоит в том, что общество никогда не развивалось линейно, напротив, социальная динамика носит принципиально нелинейный характер. В XX в. одним из первых данную идею обосновал П. Сорокин. Он полагал, что «общественно-научная мысль XVIII–XIX веков была занята большей частью изучением разнообразных линейных тенденций развития, разворачивающихся во времени и пространстве. Она оперировала главным образом понятием человечества вообще и стремилась отыскать “динамические законы эволюции и прогресса”, определяющие магистральное направление человеческой истории» [6, с. 358]. Обобщая аргументы Сорокина против этой концепции, мы получаем ряд тезисов.

Во-первых, история имеет дело с уникальными объектами – людьми – и особенностями их психологии. Именно это делает каждую эпоху своеобразной и не похожей на другие (античность – принципиально отличается от Средневековья, а оно – от Нового времени и т.д.). Отсюда Сорокин делает вывод: “каждый закон в подлинном смысле этого слова предполагает повторение; история не знает повторений; поэтому говорить о законе истории – значит, не понимать закона” [7, с. 518]. Поскольку нет “динамических законов эволюции”, то и рассуждать о прогрессе нельзя.

Во-вторых, по мнению Сорокина, линейный тип социальной эволюции – не единственный, а “лишь один из многих возможных” [6, с. 365]. Поэтому теория прогресса пригодна для описания отдельных периодов в развитии тех или иных социальных процессов, но не может претендовать на отражение развития общества в целом.

В-третьих, сводить социальную эволюцию только к прогрессу нельзя в силу того, что “в жизни каждого индивида, группы и человечества... в каждый данный момент времени можно обнаружить сосуществование множества стадий развития – от самых ранних до наиболее поздних” [6, с. 367].

В-четвёртых, линейные прогрессистские теории исходят из существования некоего абстрактного “человечества”, которого в действительности нет, и это ещё одна причина их несостоятельности.

Итак, Сорокин не отрицает линейность как свойство общественного развития, но не признаёт её в качестве его основной характеристики: “линейно развиваются лишь некоторые социокультурные явления на протяжении ограниченных отрезков времени, которые различны для разных социокультурных единиц” [6, с. 366]. В целом же “глобальный процесс социокультурного

изменения приобретает нелинейный характер” [6, с. 366]. Следовательно, с гегемонией в общественной мысли теории общественного прогресса должно быть покончено.

Большой вклад в опровержение прогрессизма внесла синергетика — в варианте, разработанном И. Пригожиным. Согласно синергетической парадигме окружающий человека мир представляет собой неравновесную систему, в которой доминирует хаос. Равновесное состояние, то есть состояние, в котором проявляются линейность и порядок, является частным случаем неравновесного состояния. Другими словами, порядок всегда возникает из хаоса. При этом есть особое переходное состояние от хаоса к порядку — точка бифуркации. Здесь действуют флуктуации, то есть случайные факторы, и в принципе нельзя предсказать, какой фактор станет решающим и определит будущее системы (отсюда многовариантность развития). М. Шермер характеризует эту зависимость применительно к истории следующим образом: «Изменения в последовательности исторических событий от упорядоченных к хаотическим редки, внезапны, приводят к относительной нестабильности и обычно происходят в точках, где ранее упрочившиеся “необходимости” приходят в столкновение с другими, так что “случайность” получает шанс изменить направление событий” [цит. по: 8, с. 69]. Таким образом, линейность “прерывается” дважды: тогда, когда система находится в неравновесном состоянии (а это преимущественная форма её бытия), и в точке бифуркации, где действуют случайные факторы. Как пишет Т. Лешкевич, “изолированно существующих линейно упорядоченных процессов нет. Если они на поверхности так себя проявляют, то это всего лишь частные случаи — отрезки сложных ветвящихся процессов” [9, с. 52]. Прогресс, соответственно, возможен только в отдельные периоды, когда система находится в равновесном состоянии.

Фундаментальные принципы синергетики, если мы их принимаем, требуют пересмотреть несколько положений, общих для различных прогрессистских концепций.

Прежде всего на смену представлению о линейности приходит представление, заимствуя определение Е.Б. Крымского, о “многообразии конфигураций настоящего, прошлого и будущего” [10, с. 37]. Следовательно, попытки привести общественное развитие к линейной динамике оборачиваются застоём. (В качестве примера часто указывают на Западную цивилизацию, которая, столетиями совершенствуя либеральную политическую модель, в итоге исчерпала её потенциал [11, с. 47].)

В отличие от прогрессистских теорий, настаивающих на существовании всеобщих законов исторического развития, действующих и в равно-

весных, и в неравновесных состояниях, синергетика, отрицая наличие таких законов, ориентирует на изучение флуктуаций, случайных факторов, определяющих социальное развитие. Рассуждая в подобном ключе, Л. Стоун полагает, что “именно в силу встроенной случайности человеческого поведения не существует научных законов истории, как не существует и способов успешно предсказывать будущее, кроме как в самом широком смысле” [12, с. 164]. Отсюда становится очевидным и ещё одно расхождение синергетического и прогрессистского подходов к описанию развития общества. Различные концепции прогресса тяготеют к однозначной зависимости будущего от прошлого, но в точке бифуркации любая динамика, включая социальную, отличается неопределённостью, а значит, на основе имеющейся информации нельзя построить достоверный прогноз. Н.Н. Моисеев комментирует эту ситуацию следующим образом: “В период бифуркации практически исчезает память системы, т.е. резко снижается роль наследственности, сужается значение отбора, но возрастает игра случайностей. И далеко не всегда побеждает самый сильный” [13, с. 9].

Отрицая линейность как универсальную характеристику социального развития, сторонник антипрогрессистского подхода может занять две различные позиции по вопросу оценки значимости линейной динамики. Согласно первой, умеренной, выраженной в синергетическом подходе, линейность — свойство равновесных состояний природы и общества, и, поскольку в окружающем мире господствует неравновесность, прогресс является лишь одной из форм социальной динамики. Радикальная позиция связана с представлением, что линейное развитие опасно и ведёт к гибели любого объекта живой или неживой природы. Например, как указывает И. Василенко, “линейные процессы в природном мире аномальны из-за своей разрушительности: непрерывное развитие в одном направлении заканчивается катастрофой... Представьте... вечный дождь, вечный снег...” [11, с. 48].

Второй фундаментальный принцип антипрогрессистского подхода также формируется на основе критики ключевого положения теории прогресса — тезиса о движении общества к некоей конечной цели (финализм) и может быть условно назван “антифинализмом”. Антифинализм следует из признания нелинейности социального развития, однако его истоки можно проследить до эпохи Просвещения, когда большинство представителей становящейся гуманитарной науки отошли от христианского религиозного финализма, развитого в работах Бл. Августина, а затем И. Флорского к Ж. Боссюэ, называвших становление Царства Божьего на земле “завершением истории” (хотя отдельные работы в этом русле

продолжали выходить и в XX в., например, “Смысл истории” Н.А. Бердяева).

В XX в. антифинализм проявился в критике разнообразных светских концепций прогрессистского толка, указывавших в качестве вершины прогресса построение какого-либо абстрактного типа общества. С одной стороны, активно разоблачались различные утопические проекты построения идеального государства, идущие от Платона, Т. Мора, Т. Кампанеллы. Возникла мощная антиутопическая традиция, представленная О. Хаксли, Дж. Оруэллом, Е. Замятиным и другими мыслителями. С другой стороны, критике подвергались научные теории, представляющие развитие общества как движение к наиболее совершенной форме устройства (от О. Конта до К. Маркса). Особенно “досталось” в этом отношении марксизму. Даже наши современники в пылу полемики часто отождествляют высшую стадию формационной теории (коммунизм) с христианским провиденциализмом, опираясь на тот факт, что в обоих случаях речь идёт о построении справедливого общества, понимаемого как общество, в котором реализуется принцип равенства людей. Как пишет Л. Семенникова, “то, что христианство обещает праведникам после смерти — рай, коммунизм провозглашает возможным при жизни. Однако рай на земле невозможен, следовательно, коммунизм (социализм) в реальности существовать не может” [14, с. 19]. Подобная аргументация несостоятельна хотя бы потому, что Маркс не считал коммунизм идеальным состоянием общества на “все времена”. Однако позиция Семенниковой интересна тем, что, являясь антипрогрессистом, она отрицает наличие у исторического процесса конечной стадии.

Антифинализм нашёл яркое выражение также в критике европоцентризма. Многие прогрессистские теории (вспомним хотя бы Ж.А. Кондорсе или Г.В.Ф. Гегеля) указывали на европейские государства как на примеры реализации совершенного общественного состояния, завершения “работы” Мирового духа, достижения цели социально-исторического процесса. В XX в. европоцентризм отрицается различными мыслителями, начиная с О. Шпенглера и кончая представителями евразийства. Как полагает Н. Трубецкой, “европейская цивилизация ничем не выше всякой другой” [15, с. 98], а “последствия европеизации настолько тяжелы и ужасны (для неевропейских народов. — *В.Н., И.П.*), что европеизацию приходится считать не благом, а злом” [15, с. 97]. Трубецкой также чётко формулирует методологическое основание критики финализма в его европоцентристской версии — тезис о равноправии культур и относительности их оценки: “Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих низшими — произвольно, ненаучно, наивно... глупо” [15, с. 81, 82].

Аргумент Н. Трубецкого можно распространить и на антифинализм в целом: поскольку у учёных нет оснований для построения объективной классификации исторического процесса и деления его на “высшие” и “низшие” стадии, постольку любые прогрессистские финалистические трактовки лишены смысла.

Третий принцип антипрогрессизма логически вытекает из критики линейности и финализма и получает методологическую поддержку синергетики и неклассической науки в целом. Если теория прогресса интерпретирует исторический процесс как движение по прямой линии к конечной цели, то в антипрогрессистских концепциях на первый план выдвигаются противоположные формы социальной динамики — циклизм и регресс.

В методологическом плане показательным, что теория регресса по структуре не отличается от теории прогресса: регресс тоже является движением по прямой линии. Различие заключается в направлении вектора развития, которое идёт “снизу вверх” в случае прогресса и “сверху вниз” при регрессе. Такой подход характерен уже для первой концепции регресса: Гесиод полагал, что история начинается с “золотого века”, когда люди жили, как Боги, “не зная трудов”, “в пирах они жизнь проводили”, а “хлебодарные земли” давали “большой урожай и обильный” [16, с. 266]. Далее начинается своеобразное “нисхождение” человечества от “золотого века” к “серебряному”, а затем к “бронзовому”, и наконец, к “железному”, в котором живёт сам историк. Людям железного века приходится постоянно трудиться, они конфликтуют друг с другом, мораль и правовые нормы утратили авторитет, города разграбляются [16, с. 266, 267].

В отличие от теории общественно-исторического регресса, циклизм предлагает принципиально иную схему социальной динамики, поэтому его нужно признать более серьёзной альтернативой прогрессизму. Идея, лежащая в основе данной концепции, заключается в том, что определённые стадии развития неизбежно воспроизводятся и повторяются в будущем, отчего социальная действительность превращается в непрерывный круговорот одних и тех же периодов. Таковы концепции Полибия и Ибн Халдуна, концепции сменяющихся друг друга “Веков Богов, Героев и Людей” Дж. Вико, “великих культур” О. Шпенглера, “замкнутых культур” Ф. Бэббиджа, “культурно-исторических типов” Н. Данилевского, концепция А. Тойнби и другие. Каждая из перечисленных теорий так или иначе базируется на экстраполяции представлений о природном жизненном цикле “рождение—жизнь—смерть” на социальные процессы. История делится на стадии, в рамках которых социум рождается, существует некоторый период и гибнет. Наиболее

сильно эта мысль звучит в работах О. Шпенглера: “Каждая культура проходит возрастные ступени отдельного человека. У каждой есть своё детство... юность... возмужалость и старость” [17, с. 265]. Ясно, что любая циклическая концепция отрицает прогрессивный характер мирового исторического процесса, складывающегося из отдельных историй рождающихся и неизбежно умирающих обществ.

Конечно, различные циклические модели социальной динамики имеют ряд существенных отличий. Одни из них (концепции организмического циклизма Вико, Данилевского, Шпенглера, Тойнби, Бэгби) представляют собой попытку прямо перенести природный цикл “рождение—жизнь—смерть” на социальные “организмы” и их внутреннюю динамику. Другие модели (концепции Полибия, Ибн Халдуна, А. Чижевского, Н. Кондратьева) выделяют те или иные факторы (от особенностей изменения типов правления, перемещения народов и солнечной активности до смены технологических укладов), которые воздействуют на ритмы общественной жизни. В некоторых теориях циклы описываются как имеющие форму своеобразной “спирали”: старое по форме воспроизводится на новом по содержанию уровне общественного развития. Например, для К.М. Кантора “история движется по спирали, причём с остановками; каждый виток исторической спирали обладает относительной самостоятельностью, ведёт к утверждению одной из граней свободы индивида...” [18, с. 31]. Теории такого типа относятся к структурному циклизму, отличающемуся от организмического большей адекватностью реалиям социально-исторического развития и обоснованностью, можно даже сказать, что он выявляет более фундаментальные закономерности социального развития.

Следующим важным элементом антипрогрессивных теорий выступает поиск оснований (факторов), мешающих прогрессу. Апелляция к таким факторам позволяет сделать вывод о еесто-
ятельности прогрессивного варианта описания социальной динамики. Интересно, что подобные препятствия ищут и прогрессисты, но с иной целью — показать, какие факторы надо устранить, чтобы прогресс стал возможным.

Возьмём в качестве примера христианскую философию истории. Бог способствует прогрессу людей, с одной стороны, Словом, например, дав Моисею на горе Синай 10 Заповедей, с другой — делом, отсекая “регрессивные” ветви развития человеческого общества в ходе всемирного потопа или разрушения Содомы и Гоморры, выделяя праведников — Ноя, Лота и других, которые смогут дать начало более совершенному объединению людей. Однако некоторые мыслители усматривали в Боге силу, способную, напротив, остановить прогрессивное развитие. Так, историк X в.

Лев Диакон рассуждал: “Всемогущий с удивительной предусмотрительностью обращает благополучие людей в противную сторону, тем самым напоминая им, что они смертны, недолговечны и не должны возноситься выше положенного... Деяния людей по справедливости непрочны и превратны... Если бы рок со смертью [Никифора] (убитого соперником в борьбе за власть. — *В.Н., И.П.*) не обернул судьбу ромеев вспять, то ничего не помешало бы им при его жизни расширить границы своего владычества на востоке до Индии, а на западе — до самых пределов обитаемого мира” [19, с. 45]. Сомнительно, чтобы византийцы при сохранении жизни императора Никифора завоевали бы Индию (по причине ограниченности их материальных ресурсов), но в данном рассуждении важным представляется тот факт, что для отдельных средневековых мыслителей Бог выступал источником не только прогресса, но и регресса, отсекающего позитивные (с точки зрения некоторой группы людей) варианты исторического развития.

Подобная идея не исчезла и в более поздний период, когда место Бога заняли уже иные, сугубо “светские” факторы, тормозящие общественный прогресс. Наиболее часто в качестве такового европейские мыслители называли “отсталость” тех или иных народов. Например, Г. Лебон считает, что человечество разделено на несколько рас: первобытные, низшие, средние, высшие. У первых нет “и малейшего следа культуры” (фиджийцы, австралийцы), вторые (негры) “способны лишь к зачаткам цивилизации”, третьи (китайцы, японцы, монголы, семиты) “создали высокие типы цивилизаций”, четвёртые представлены индоевропейскими народами, которым “мы обязаны тем высоким уровнем, какого достигла ныне цивилизация. Пар и электричество вышли из их рук” [20, с. 30].

Выделил Лебон и фактор, мешающий прогрессу собственно индоевропейских народов, — это эгоизм. Мыслитель рассуждает: “После того как какой-нибудь народ достиг той ступени цивилизации и могущества, когда он, уверенный в своей безопасности, начинает наслаждаться благодеяниями мира и благосостояния, доставляемыми ему богатством, его военные доблести постепенно теряются, излишество цивилизации развивает в нём новые потребности, растёт эгоизм. Гонимая только за лихорадочным наслаждением быстро приобретёнными благами, граждане предоставляют ведение общественных дел государству и скоро теряют все качества, создавшие их величие. Тогда соседние варвары и полуварвары, имея очень малые потребности и очень интенсивный идеал, совершают нашествие на слишком цивилизованный народ, уничтожают его и на развалинах разрушенной цивилизации образуют новую. Таким-то образом, несмотря на страшную воен-

Сравнительный анализ структуры прогрессистской и антипрогрессистской теорий общественного развития

Положения прогрессистской теории общественного развития	Положения антипрогрессистской теории общественного развития
Тезис о линейности общественного развития	Тезис о принципиальной нелинейности общественного развития
Финализм (социальная эволюция идёт к наиболее совершенному типу общественного устройства)	Антифинализм (общество не движется к какой-то определённой конечной цели; пути его развития многовариантны и принципиально непредсказуемы)
Разделение исторического процесса на этапы при превосходстве каждой последующей стадии над предыдущей и их последовательной смене	Преобладающими формами исторической динамики называются регресс и циклизм
Представление о движущей силе социального прогресса	Представление о факторах социального развития, замедляющих или останавливающих прогресс
Приписывание прогрессу всеобщего характера: прогресс передаётся от одних народов другим (эстафетность)	Тезис об относительном и локальном характере прогресса, его параллельном сосуществовании с одновременными регрессивными изменениями

ную организацию римлян и персов, варвары уничтожили империю первых и арабы – империю вторых” [20, с. 131, 132].

Прогрессу может мешать и конкретное государство. Например, с точки зрения австрийского социолога Л. Гумпловича, Россия начала XX в. являлась слишком большой страной, и это обстоятельство препятствовало развитию Европы. Отсюда Гумплович сделал вывод, что “если удастся втиснуть Россию в её естественные границы, тогда ничто больше не задержит победного шествия демократии в Европе и развития её к социализму” [21, с. 48], то есть прогресса¹.

Из рассуждений Гумпловича видна общая слабость моделей поиска препятствий на пути прогресса, обнаруживающаяся при попытках эти препятствия устранить – игнорирование долгосрочных последствий реализации проектов “способствования” прогрессу. Также не может не вызвать критики неразборчивость в выборе средств нейтрализации нежелательных факторов. В отношении данного конкретного случая возникают вопросы: каким путём втиснуть Россию в её “естественные границы”, кто и на основании че-

¹ “Естественные границы” России виделась Гумпловичу следующим образом: “От России отделена вся её западная пограничная полоса (территория нынешней Польши, входившей тогда в состав Российской империи. – *В.Н., И.П.*); ... господство над Северным морем ею окончательно утрачено; Петербург и Кронштадт находятся в её распоряжении, но она не может посылать своих кораблей на Швецию или Германию, если Финляндия или Эстляндия не хотят этого; ни одного батальона солдат не может она придвинуть к австрийской (австро-венгерской. – *В.Н., И.П.*) или прусской (германской. – *В.Н., И.П.*) границе, потому что между ней и ими лежат земли независимых, ревниво оберегающих свои границы народов. Наконец, она потеряла 45 миллионов жителей, и если считать только её европейские владения, уступает по количеству населения Германии, хотя она не лишилась ни одной мили законно ей принадлежащей территории” [21, с. 48].

го определяет эти границы. Очевидно никогда, и особенно в начале XX в., ни одно государство не может добровольно отказаться от части своей территории. Значит прогресс требовал войны, вести которую могли государства, в наибольшей степени страдавшие от потенциальной российской опасности, – Австро-Венгрия и Германия. Это и произошло в 1914–1918 гг. Конечно, в какой-то мере “прогноз” Гумпловича сбился: Польша, страны Балтии после Первой мировой войны получили независимость от России. Но стоила ли независимость этих стран гибели миллионов людей?

Как мы видим, несмотря на то, что поиск препятствий на пути прогресса – важный элемент как антипрогрессистских, так и отдельных прогрессистских теорий, обнаруживаемые факторы достаточно сильно дифференцированы и с трудом интегрируются в систему.

Ещё одно положение антипрогрессизма, заслуживающее отдельного рассмотрения, – тезис о том, что прогресс не носит всеобщего характера, поскольку, во-первых, локален, осуществляясь в отдельных областях (например, технической), и не распространяется на все сферы человеческой деятельности, а во-вторых, любое историческое событие нельзя однозначно квалифицировать как прогрессивное или регрессивное в долгосрочной перспективе. Данный тезис часто использовался в качестве аргумента теми, кто отрицал методологическое и практическое значение теории общественного прогресса.

Относительность прогресса подтверждается данными, полученными в рамках междисциплинарных исследований, например, альтернативной истории, имеющей специфические предмет, методологию [22, с. 105–115]. Если сравнивать с началом XVIII в., нынешняя Швеция – жалкий “обломок” былой империи: за 200 лет она утрати-

ла земли в Прибалтике, на Неве (район Санкт-Петербурга), Финляндию, Норвегию и превратилась к XX в. в среднее по территории европейское государство, которое хотя и обеспечивает высокий уровень жизни населения, но на роль гегемона в регионе не претендует. Как оценивать 200-летнее развитие этой страны? С одной стороны, налицо явный регресс, с другой — подобный “имперский регресс” привёл к значительным позитивным изменениям. Исследования, проводимые в рамках альтернативной истории, показывают, что при сохранении империи имели бы место следующие события. Во-первых, Швеции пришлось бы принять участие в обеих мировых войнах XX в., и это могло привести к оккупации страны иностранными войсками, массовой гибели её граждан в ходе боевых действий и после них (как произошло с бывшей шведской провинцией Норвегия в 1940–1945 гг.). В действительности же шведы с выгодой для себя использовали статус нейтрального государства, извлекая прибыль из торговли как с Германией, так и с её противниками. Во-вторых, как отмечает С. Хирдман, “если бы и сейчас Швеция удерживала за собой Норвегию, Финляндию или немецкие провинции, то нам бы пришлось столкнуться с не меньшими проблемами, чем Великобритания в Ольстере, а Россия — в Чечне” [23, с. 23].

* * *

Выявив различия теории общественного прогресса и антипрогрессистской концепции общественной динамики (табл.), поставим вопрос о соотношении данных теоретических конструкций. Антипрогрессистская теория крайне дифференцирована в методологическом и содержательном плане, ибо опирается на широкий спектр междисциплинарных направлений (синергетика, альтернативная история и т.д.), философских концепций (от Гесиода до постмодернистов). Поэтому, на взгляд авторов, она не скоро придёт к единому знаменателю и какой-то связной концепции. Вместе с тем пытаться реконструировать и обобщать лежащие в её основе положения необходимо и дальше, ибо такой подход позволит лучше уяснить противоречия указанной позиции с отличающейся относительным концептуальным единством теорией общественного прогресса. Такое исследование требуется проводить и по другой причине: в ближайшие десятилетия продолжится развитие неклассической науки, что, вероятно, будет способствовать появлению новых аргументов в пользу антипрогрессистов, и нужно быть готовыми к анализу этих аргументов.

В целом же прогрессистские и антипрогрессистские теории общественного развития видятся нам не только как антагонистические, но и как творчески соревнующиеся друг с другом в форме

взаимной критики, а самое главное — очерчивающие границы применимости позиции конкурента. Кроме того, сегодня появляются теории, пытающиеся примирить эти концепции². Ещё рано судить, какие результаты может дать подобный подход к анализу социально-исторического развития, но он свидетельствует о востребованности прогрессистских и антипрогрессистских идей и наличии у рассматриваемых концепций эвристического потенциала. Это позволяет надеяться, что прогрессизм и антипрогрессизм будут способствовать открытию новых горизонтов в познании сложнейшего явления — общественной динамики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нехамкин В.А.* Теория общественного прогресса: достижения и пределы // Вестник РАН. 2013. № 8.
2. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.
3. *Кондорсэ Ж.А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Соцэкгиз, 1936.
4. *Виппер Р.Ю.* Кризис исторической науки. Казань: Гос. изд-во, 1921.
5. *Мец И.-Б.* Христиане и евреи после Освенцима // Страна и мир. 1984. № 5.
6. *Сорокин П.А.* Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994.
7. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
8. *Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1997.
9. *Лешкевич Т.Г.* Постнеклассическая методология: эволюция парадигмы фундаментальной философии // Вестник МГУ. Сер. “Философия”. 1998. № 6.
10. *Крымский Е.Б.* Метаисторические ракурсы философии истории // Вопросы философии. 2001. № 6.
11. *Василенко И.А.* Политическое время на рубеже культур // Вопросы философии. 1997. № 9.
12. *Стоун Л.* Будущее истории // THESIS. 1994. № 4.

² Например, А.Ф. Родюков рассуждает о “нелинейном прогрессе” — понятии, являющемся нонсенсом для классической науки, но которое, возможно, приживётся в неклассической науке. Родюков полагает, что линейного, “лапласовского” прогресса не существует, “но на смену этому линейному прогрессу приходят нелинейный прогресс и нелинейный детерминизм. Этот прогресс включает в себя “ветвистость” и “волнистость” процессов: процессы иерархизации достигают максимума, а затем начинается распад, который... имеет свои пределы” [24, с. 76]. Такая позиция, наверное, окажется в будущем продуктивной, но сегодня вызывает много вопросов: во-первых, имеют место сложности с дефиницией базовых категорий; во-вторых, непонятно, перестал ли “лапласовский”, то есть базирующийся на линейности, прогресс существовать в XX в. или когда-то раньше, или это просто абстракция; в-третьих, неясно, чем “нелинейный прогресс” отличен от классического циклизма или спиралевидного развития.

13. *Моисеев Н.Н.* Логика динамических систем и развитие природы и общества // Вопросы философии. 1994. № 4.
14. *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск: Курсив, 1996.
15. *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.
16. *Гесиод.* Труды и дни // Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. М.: Мысль, 1969.
17. *Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Мысль, 1993.
18. *Кантор К.М.* Четвёртый виток истории // Вопросы философии. 1996. № 8.
19. *Лев Диакон.* История. М.: Наука, 1988.
20. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.
21. *Гумплович Л.* Национализм и интернационализм в XIX веке. СПб.: Типография И. Люндорф, 1906.
22. *Нехамкин В.А.* Контрфактическое историческое моделирование К. Клаузевица: теоретико-методологический аспект // Вопросы философии. 2006. № 6.
23. *Гринеvский О., Хирдман С.* Варяги возвращаются? // Родина. 1997. № 10.
24. *Родюков А.Ф.* К вопросу о роли личности в истории: диалектический и синергетический подходы // Вестник Пермского университета. Серия "Философия. Психология. Социология". 2013. Вып. 3(15).